

Глубоких исследований более чем 260-дневного периода оккупации Новозыбкова не проведено, хотя с тех пор идёт уже 100-й год. Предварительный анализ подтверждает, что многие одни и те же советские (и даже немецкие) военнослужащие были расквартированы в Новозыбкове с разницей от 23 до 25 лет. Оба раза город располагался не слишком далеко от линии фронта. За четверть века как в Советском Союзе, так и в Третьем рейхе новобранец мог сделать карьеру и стать кадровым военным. Подобные сведения позволяют в будущем пролить свет на события вековой давности и на эпоху немецко-фашистской оккупации.

Библиографический список

1. Гончаров, В. Л. Возвышение Сталина. Оборона Царицына (Военные тайны XX века). М.: Вече, 2010. — 206 с.
2. Захаров, А. М. 2-й и 3-й польские добровольческие корпуса на территории Украины весной-летом 1918 года // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 22. История. Вып. 46. — С. 49—54.
3. Караваев, А. Ф. И в ратных бранях, и в мирном труде: очерки об истории Злынковского края (60 лет Брянской области). Злынка: Неяда, 2004. — 229 с.
4. Перекрестов, Р. И. Клиновский летописец: исследования, документы, воспоминания. Кн. 1. Клины: Клиновская городская типография, 2007. — 500 с.
5. Карпов, А. Н. Новозыбков сто лет назад: панорама города. Электронный ресурс: <http://www.novozybkov.ru/retroscope/archives/536> (дата обращения: 28 сентября 2017 г.).
6. Хавкин, С. Т. Страницы борьбы большевиков Полесья против немецких оккупантов в 1918 г. Ч. 1. Электронный ресурс: <http://voencomuezd.livejournal.com/1164586.html> (дата обращения: 28 сентября 2017 г.).
7. Центральный архив Красной Армии (ЦАКА). Д. № 287—500. — Л. 25.

Репин Виталий Валерьевич

Белорусский государственный университет (Минск, Беларусь)

АЛЬТЕРНАТИВЫ ПРОЕКТА СОЗДАНИЯ МОЛДАВСКОГО ГОСУДАРСТВА В УСЛОВИЯХ РЕВОЛЮЦИОННОЙ СИТУАЦИИ НА РУМЫНСКОМ ФРОНТЕ В ОКТЯБРЕ — ДЕКАБРЕ 1917 Г.

Бессарабская губерния Российской империи — территория между реками Днестр и Прут — аграрный, промышленно неразвитый регион, так бы и осталась на периферии революционных событий, если бы не близость Румынского фронта. Он был открыт в 1916 г., когда Румыния, после длительного торга о цене участия в мировой войне, встала на сторону Антанты. Румынскому королевству было обещано расширение границ во всех направлениях, но за исключением востока — Бессарабии. Именно ею, в свою очередь, прельщали Бухарест Центральные державы [8, с. 309]. Ход войны в 1916—1917 гг. не оправдал надежд Бухареста: потерпев поражение, румынские войска с помощью четырех российских армий удерживали лишь восточные области королевства, по площади меньшие, чем сама Бессарабия.

В Бессарабии политическая ситуация в 1917 г. развивалась в русле общероссийских процессов. В возникшем после Февральской революции демо-

кратическом поле появилось несколько полюсов борьбы за власть, выдвигавших различные программы политических и социально-экономических преобразований Бессарабии в составе России. Специфика региона заключалась в том, что помимо органов власти Временного правительства, а также разнообразных выборных советских структур, здесь получило политическое оформление молдавское национальное движение. Им был создан 21 ноября (5 декабря) 1917 г. краевой орган власти Сфатул Цэрий (Краевой Совет). Несмотря на то, что его делегаты представляли лишь четыре уезда, населенных преимущественно молдаванами, был провозглашен курс на получение автономии в рамках федеративного государства после проведения бессарабского и общероссийского Учредительных собраний. Распространяя границы автономии на всю территорию Бессарабии, Сфатул Цэрий игнорировал сложный этнический состав южных регионов края (Буджак), где большинство составляли представители славянских и других национальностей, но никак не молдаване, составлявшие 47 % населения всей губернии по переписи 1897 г. [10, с.3]. Хотя румыны на Парижской мирной конференции оперировали другими данными, называя румынами 72 % населения края, перепись 1930 г. зафиксировала 56,2 % румынского населения [13, р. 92; 429, р.101]. 2(15) декабря 1917 г. Сфатул Цэрий провозгласил создание Молдавской Демократической Республики (*Republica Democratică Moldovenească*) в составе «Российской демократической республики», что вызвало критику советских органов власти, также функционировавших в городах Бессарабии [1, с.200—202; 27, с.177; 274, с.8—10, 20—22]. Сфатул Цэрий, декларировавший вначале сохранение губернии в составе Российского государства, не стал признавать главенство исполнительной власти СНК и заявил о готовности рассматривать его только как правительство Великобритании [4, л.19]. Несмотря на то, что Сфатул Цэрий стремился перехватить политическую инициативу у созданных после Февральской революции органов власти Временного правительства, а также советов и не признавал власть СНК, слабые позиции большевиков в Бессарабии не ставили на повестку дня немедленную смену власти, в результате чего отношения правительства В. И. Ленина и Директората Сфатул Цэрий заключались во взаимном игнорировании друг друга без дискуссий о будущем государственном статусе Бессарабии.

Локально возникшие очаги советской власти на юго-западных территориях бывшей Российской империи были представлены Фронтовым отделом исполнительных комитетов советов Румфронта, черноморского флота и одесского округа (Румчеродом). Он координировал большевизацию Одессы и прилегающих территорий, но не был подчинен другим советским органам Украины. В Бессарабии Румчерод опирался на революционизированные части 6-й армии, неорганизованно и конфликтно уходившей с Румынского фронта, а также на Кишиневский совет рабочих и крестьянских депутатов, где на рубеже 1917—1918 гг. большевики составили большинство.

Лишь 22 ноября (10 декабря) Кишиневский совет признал власть II Всероссийского съезда Советов. Преобладание в его составе эсеров и меньшевиков, не имевших радикальных противоречий с близкой к эсеровской идеологии программой Сфатул Цэрий, позволило долгое время держать политический процесс в мирных рамках. Не имея инструкций из СНК касательно отношения к Сфатул Цэрий, некоторые бессарабские большевики даже оценивали

проект Молдавской республики как прогрессивный. Тем временем Петроград отправлял комиссаров на Румынский фронт, ставя цель завершение большевизации армии, и практически не вмешивался в события в Бессарабии. Ни один советский орган не воспринял инициативу автономии Молдавии в противовес автономии, провозглашенной Сфатул Цэрий [9, с. 59—60].

Большую опасность для установившегося в ноябре 1917 г. в Молдавии хрупкого двоевластия представляли 900 тыс. солдат четырех российских армий Румынского фронта. Несмотря на сохранение их боеспособности, после мирных инициатив СНК, вынудивших Румынию подписать 26 ноября (9 декабря) сепаратное перемирие с Центральными державами в Фокшанах, началось массовое дезертирство. Ситуация еще более усугубилась после того как советская Ставка верховного главнокомандования в Могилеве издала приказ об отводе всех российских войск из Румынии [9, с. 150]. Грабежи и мародерство, возникшие в процессе отступления войск, провоцировали рост крестьянских выступлений и бандитизма, с которыми не могли эффективно бороться ни советские органы власти, ни Сфатул Цэрий.

В Кишиневе продолжала сохраняться модель двоевластия Директората Сфатул Цэрий и кишиневского Совета. Политическая ситуация в других городах и районах Бессарабии мало влияла на развитие советско-румынского конфликта. Прифронтовой статус Бессарабии сказывался на все большей радикализации настроений молдавских советских органов, стремившихся установить свою власть на Румынском фронте. Однако руководители Сфатул Цэрий, несмотря на то, что конфликт с Советами не переливался в вооруженные столкновения, не смогли создать эффективную систему управления краем и не чувствовали себя в безопасности. В конце ноября 1917 г. руководитель директората внешних сношений И. Пеливан вместе с профессором О. Гибу, сторонником концепции «Великой Румынии», прибыли в Яссы, где провели консультации с министром иностранных дел Таке Ионеску и другими высшими сановниками касательно возможности ввода румынских войск в Бессарабию для поддержания порядка. И. Пеливан и глава директората внутренних дел в середине декабря 1917 г. посетили Яссы еще раз и прямо запросили румынское правительство, штаб Д. Г. Щербачева и дипломатический корпус союзных держав о присылке войск в Бессарабию для борьбы с анархией [9, с. 103, 180].

По возвращении дипломатов на заседаниях Сфатул Цэрий 27—28 декабря 1917 г. (9—10 января 1918 г.) после бурных споров было принято секретное решение обратиться к внешней помощи для пресечения анархии в крае. Краевой совет, рассмотрел три проекта резолюции. Эсеро-меньшевистский блок и блок депутатов от национальных меньшинств настаивали на том, чтобы военная помощь была запрошена у Украинской Центральной Рады и миссий Антанты. Депутаты молдавского блока не афишировали свое стремление пригласить именно румынские части, однако главы директоратов внутренних и внешних дел В. Кристи и И. Пеливан активно лоббировали обращение за помощью к Румынии [3, л. 26, 152, с. 185, 194—200]. Еще 22 декабря (4 января) в Яссы на имя военного министра Румынии генерала А. Янковеску за подписью председателя Совета генеральных директоров П. Ерхана и вышеназванных Кристи и Пеливана была направлена телеграмма с просьбой прислать в распоряжение Сфатул Цэрий полк военнопленных румын-трансильван-

цев, которые возвращались с востока на родину [15, p.133]. На голосовании 28 декабря (10 января) большинство получил проект, предложенный блоком национальных меньшинств. Таким образом, Директорат получил от депутатов карт бланш.

В конце 1917 г. румынское руководство в Яссах оказалось перед сложной дилеммой продолжения участия в войне. Правительству И. Брэтиану пришлось искать путь в узком пространстве дипломатического маневра, крайними точками которого были стремление сохранить лояльность державам Антанты и необходимость пойти на условия Центральных держав. Сохранение Румынского фронта и его возможная эвакуация на территорию Бессарабии, противодействие антивоенной агитации большевиков, участие в проекте создания антибольшевистского союза Румынии, Украинской Народной Республики и казачьих территорий на Дону были мерами, которые, по мнению Парижа и Лондона, могли позволить Румынии продолжать войну. Ряд румынских политиков (например, Таке Ионеску) активно поддерживали такой путь. В то же время план Антанты был практически нереален. Он вел к открытому противостоянию с Советской Россией, и в Яссах меньше всего стремились к бегству королевского двора и правительства на восток и войной на два фронта с немцами и большевиками. «Развал России» был оценен, как пролог к возвращению Бессарабии, поэтому Берлин и Вена делали большие авансы касательно присоединения края к Румынскому королевству в качестве компенсации за отказ от Трансильвании и территориальные уступки в пользу Австро-Венгрии и Болгарии [9, с.91]. Такой вариант событий уже в декабре 1917 г. обсуждал уполномоченный румынского правительства А. Маргиломан на начавшихся переговорах с немцами [10, с.128—130; 390, p.295].

По воспоминаниям А. Д. Щербачева, сына главнокомандующего Румынским фронтом генерала Д. Г. Щербачева, румыны довольно неохотно исполняли приказы главноком в борьбе с анархией. Однако положение самой румынской армии было также критическим, поскольку с уходом русских частей она могла удерживать фронт не более нескольких недель. Вопрос о возможности отступления румынской армии на территорию Бессарабии, эвакуации туда правительства и двора, наличия достаточных припасов стал жизненно важным для существования румынской армии и власти. Именно так главноком Д. Г. Щербачев, и начальник румынского генштаба генерал К. Презан изначально оценивали события в Бессарабии [3, с.24—26]. В ходе совместной операции в декабре 1917 г. украинские гайдамаки, штаб Щербачева и лояльные ему солдатские советы в лице Комитета национальных комиссаров, а также румынские отряды провели разоружение наиболее большевизированных отступающих русских частей, ликвидировали ряд активных агитаторов, в том числе назначенного СНК комиссара по Румынскому фронту С. Г. Рошалья [14, p.62—67]. Это стало причиной первого конфликта в советско-румынских отношениях. В нотах от 16 (29) декабря 1917 г. и 31 декабря 1917 г. (13 января 1918 г.), врученных в Петрограде посланнику К. Диаманди, содержалось требование «покарать преступные элементы из румынского офицерства и румынской бюрократии, осмелившиеся поднять руку на Российскую революцию». Верховный главнокомандующий Н. В. Крыленко призвал солдат Румфронта оказывать вооруженное сопротивление румынам. Румынский ответ 4 (17) января 1918 г. на ноты содержал версию о непричастности Ясс к убийству

Рошалья и военным операциям на территории Бессарабии [7, с.70, 79—80; 274, с.11—12, 17—18].

Для румынской элиты в декабре 1917 г. все большее значение приобрело установление контроля над Бессарабией. Как минимум, это позволило бы обезопасить страну от нарастающего влияния русской революции. Изгоняя беспорядочно отступающие российские части, не позднее 7 (20) декабря 1917 г. румыны вступили на территорию Бессарабии в районе местечка Леово [9, с.136—139]. Этот эпизод впоследствии получил диаметрально противоположное освещение в историографии СССР и Румынии. Советская официальная версия, напечатанная 26 января 1928 г. в «Правде», гласила, что румыны начали оккупацию после убийства своего офицера, прибывшего с целью конфисковать продовольственные запасы, находящиеся на военном складе. По румынской версии считалось, что офицер вступил в конфликт со сторонниками большевиков из местного совета, однако убит он был выстрелом из засады с другого берега Прута, когда находился уже на румынской стороне [9, с.135—138; 256].

Курс Румынии предугадал еще в июне 1914 г. глава российского МИД С. Д. Сазонов: «...(она) постарается присоединиться к той стороне, которая окажется сильнее и которая будет в состоянии посулить ей наибольшие выгоды» [12, с.326—334]. В конце 1917 г. важными факторами стала дипломатия Антанты и Центральных держав, готовых использовать Бессарабию как разменную монету. Склоняя румын к миру, начальник политического департамента немецких оккупационных сил в Румынии А. Хорстман в беседе с будущим премьер-министром А. Маргиломаном обращал внимание на общность интересов: «Русская анархия привела к созданию своего рода братства. Вы боретесь с большевиками в Бессарабии, мы вступили в Украину с той же целью» [2, с.286]. В условиях перемирия, по которому запрещалась передислокация фронтовых частей, немцы закрыли глаза на снятие с фронта четырех дивизий для операции в Бессарабии. Румыны формальным поводом для оккупации назвали охрану складов и запасов с продовольствием для предотвращения голода в стране. Антанта же, желая оставить открытым путь для возвращения в блок и Петрограду, и Яссам, поддерживала румынскую акцию как средство реанимации российско-румынских союзных обязательств. На запросы Сфатул Цэрий, пытавшегося добиться признания проекта молдавской государственности, дипломаты Антанты в Румынии отвечали, что оккупация «не может оказать влияние ни на существующую политическую обстановку, ни на будущую судьбу этой страны» [1, с. 203, 209—211; 140, с.303]. Более того, стремясь вывести Австро-Венгрию из войны, дипломаты Антанты обещали ей сохранение границ и компенсацию Румынии Бессарабией за отказ от Трансильвании, Баната и Буковины. В Яссах не могли об этом не знать [9, с.182].

Сфатул Цэрий пытался легитимизировать проект Молдавской республики на мирных переговорах Центральных держав с РСФСР и УНР в Бресте, составив наказ делегации о неделимости территории страны в границах Бессарабской губернии. Однако единственными государствами, которые де-факто признавали государственный проект Молдавской республики оставались Румыния и Украинская народная республика [4, л.19]. Касательно позиции политиков Украинской Центральной Рады, территориальные разграничения в Бессарабии не представляли собой срочной проблемы. В предваритель-

ных условиях договора с советской Россией, утвержденных правительством Украинской народной республики 14 февраля 1918 г., отмечалось, что вопрос о Бессарабии УНР «решит на основании самоопределения наций по соглашению с Румынией и Бессарабией» [5, с.168—170].

15 (29) декабря Военно-революционный комитет Южного района, который координировал разрозненные большевистские организации Бессарабии, сообщил в Петроград об инциденте в Леово. Но даже в начале января 1918 г. советы и курировавший их Румчерод не ставили на повестку дня вопрос о силовом захвате власти в Кишиневе, однако процесс централизации советских и просоветских органов власти в Бессарабии продолжался [9, с.209—210]. Лишь 31 декабря (14 января) Фронтотдел Румчерода издал приказ № 1 об объявлении себя властью над войсками, после чего большевики из Кишиневского Совета установили контроль над вокзалом, почтой и телеграфом в городе, что создало видимость установления советской власти. В эти дни заседания Сфатул Цэрий не собирались, часть его членов ушла в подполье, а В. Кристи отправился в Яссы с просьбой ускорить ввод войск.

В эти дни в Яссах принималось решение о начале полномасштабной оккупации Бессарабии. На правительственном совещании 3 (16) января план оккупации получил поддержку представителей Антанты, видевших в ней способ создания фронта против большевиков и удержания Румынии от выхода из войны [9, с.218]. Просьба Сфатул Цэрий о помощи являлась весомым, но не главным аргументом для осуществления такой рискованной операции, ибо в Яссах понимали, что неудача не только опозорит Румынию, но и усугубит ее шаткое положение, зависящее от намерений Германии соблюдать перемирие. Первоначально оккупацию Бессарабии планировалось осуществить силами румын-трансильванцев, украинских гайдамаков и румынских пограничных частей. В начале января на левом берегу Прута были заняты Кагул, Болград и Унгены. Однако полк пленных трансильванцев, прибывший 6 (19) января в Кишинев, был обезоружен советскими частями, а румынские отряды на подступах к Кишиневу остановлены [6, с.73]. 8 (21) января началось полномасштабное наступление румын силами 11 и 13 пехотных и 1 и 2 кавалерийских дивизий. Несмотря на активное сопротивление частей Румчерода, к которым присоединялись отряды других нелояльных румынам движений, сопротивление оккупации было неорганизованным и разрозненным. Против снятых с фронта румынских дивизий сражались отряды формирующегося Румынского фронта, на нужды которого по распоряжению В. И. Ленина в эти дни только выделялись финансы из резервов Государственного казначейства [9, с.230, 235].

13 (26) января власть советов в Кишиневе закончилась. В воспоминаниях А. Д. Щербачева отмечено, что румынские войска вступили в Кишинев «под общий радостный крик всего Кишинева, по ковру цветов», а население города было «так измучено и запугано, что они были согласны иметь кого угодно: немца, румына, японца, готтентота, только бы дали им порядок» [3, л.26]. Румчерод продолжал оказывать сопротивление в восточной и южной Бессарабии (Буджаке), где легитимность Сфатул Цэрий не признавалась.

На оккупированной территории репрессии обрушились на нелояльные Яссам политические силы, включая эсеровский Президиум Крестьянского съезда Бессарабии, чьи представители, депутаты Сфатул Цэрий, В. Рудьев, В. Прахницкий, меньшевичка Н. Гринфельд и ряд других были арестованы

и вскоре без суда расстреляны. В этих условиях 24 января (6 февраля) на заседании Сфатул Цэрий была провозглашена независимость Молдавской демократической республики. В Декларации о независимости, где уже ни слова не говорилось о федеративном будущем Бессарабии в составе России, присутствие «братских румынских войск» объяснялось не завоевательными целями Румынии, а их помощью в установлении в крае порядка и мира [1, с.208—209; 320, р.347; 446, р.148—150]. Как позже писал Шербачев, «румыны вели себя как какие-то завоеватели... В первое время помещики и интеллигенция были в восторге от румын, но потом, приглядевшись, пришли в ужас» [3, л.26 об., 27 об.].

В первые недели оккупации румынское правительство в лице военного министра К. Презана и генерала Е. Броштану равно как и руководство Сфатул Цэрий в лице нового председателя Совета генеральных директоров Д. Чугуряну, в своих заявлениях исключали возможность аннексии Бессарабии и апеллировали к необходимости поддержки молодой молдавской государственности [4, л.32; 446, р.137—138, 144—146]. В то же время независимость Молдавской республики, упразднявшая суверенитет России, создавала необходимые условия для последующего включения Бессарабии в состав Румынии.

Библиографический список

1. Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии. Документы и материалы / Сост.: В. Н. Виноградов, М. Д. Ерешенко. — М.: Индрик, 1996. — 380 с.
2. Виноградов, В. Н. Румыния в годы первой мировой войны. М.: Наука, 1969. — 370 с.
3. Главный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5936. Оп. 1. Д. 577 (Записки адъютанта главнокомандующего Румынского фронта А. Д. Шербачева о Румынии и Бессарабии, 1917—1918 гг.).
4. ГАРФ. Ф. Р3439. Оп. 1. Д. 2 (Комитет освобождения Бессарабии, 25 октября 1917 г. — декабрь 1918 г.).
5. Гошуляк, Иван. «Бессарабське питання» в політиці Української Центральної Ради // Україна-Румунія-Молдова: історичні, політичні та культурні аспекти взаємин: М-лы Міжнар. наук. конф. 16—17 травня 2001 р. / Чернівцеські національні університет ім. Юрія Федьковича. Буковинські політологічний центр. — Чернівці: Букрек, 2002. — С. 168—175.
6. Дембо, В. О. Бессарабский вопрос: Бессарабия, Румыния, Дунай. Как захвачена Бессарабия, удержится ли Румыния в Бессарабии? — М.: Гос. воен. изд-во, 1924. — 179 с.
7. Документы внешней политики СССР. Т. I: 7 ноября 1917 г. — 31 декабря 1918 г. / редкол. И. Н. Земсков. — М.: Политиздат, 1957. — 771 с.
8. Краткая история Румынии с древнейших времен и до наших дней. / Отв. ред. В. Н. Виноградов. — М.: Наука, 1987. — 541 с.
9. Левит, И. Э. Год судьбоносный: От провозглашения Молдавской Республики до ликвидации автономии Бессарабии. Ноябрь 1917 г. — ноябрь 1918 г. — Кишинев: Центральная типография, 2000. — 500 с.
10. Нотович, Ф. И. Бухарестский мир 1918 г. М.: Соцэкгиз, 1959. — 260 с.
11. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / Под ред. Н. А. Тройницкого. Т. 1—89. — Санкт-Петербург: Изд. Центр. стат. ком. М-ва вн. Дел, 1899—1905. Т. 3: Бессарабская губерния. Сб., 1905 — XXIV, 254 с.
12. Сазонов С. Д. Воспоминания. [Репринтное воспроизвед. Изд. 1927 г.] — М.: Международные отношения, 1991. — 398 с.
13. Livezeanu, Irina. Cultural Politics in Greater Romania: Regionalism, Nation Building, and Ethnic Struggle, 1918—1930. Ithaca and London: Cornell University Press, 1995. — 340 p.

14. Torrey, Glenn E. The revolutionary Russian Army and Romania, 1917. Pittsburgh: The Center for Russian & East European Studies: University of Pittsburgh, 1995. — 96 p.

15. Unirea Basarabiei și a Bucovinei cu România: 1917—1918: documente / antologie de Ion Calafeteanu și Viorica-Pompilia Moisuc; prefată, Viorica-Pompilia Moisuc. — Chișinău: Hyperion, 1995. — 346 p.

Сальков Анатолий Петрович

Белорусский государственный университет (Минск, Беларусь)

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ПРОЕКТЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В 1917 Г. И ИТАЛО-ЮГОСЛАВСКИЙ КОНФЛИКТ В ЮЛИЙСКОЙ КРАИНЕ В ФОРМАТЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Декрет о мире за подписью В. И. Ленина, принятый на Втором съезде Советов 26 октября (8 ноября) 1917 г., явился попыткой конструирования нового мирового порядка. Было предложено немедленное заключение перемирия, установление мира без аннексий и контрибуций, декларировалась отмена тайной дипломатии. В декрете уточнялось, что его положения относятся и к внутривосстательским аннексиям. Поэтому 2 (15) ноября 1917 г. СНК принял Декларацию прав народов России (подписана И. В. Сталиным и В. И. Лениным), которые наделялись равенством и суверенностью, правом на самоопределение вплоть до образования своих государств, им гарантировалась отмена национальных привилегий и ограничений, свободное развитие национальных меньшинств и групп [3, док. 11, с. 12—16; док. 29, с. 39—41].

Декрет о мире отвергал традиционное международное сообщество в лице правительств, обращаясь к народам воюющих стран, которым предлагалось требовать мира у своих правительств и свергать их по примеру России. Этот революционный призыв предполагал формирование системы государств нового типа, которые должны были возникнуть в ходе мировой революции. Из всех адресатов декрета только Центральные державы оказались заинтересованными в перемирии на Восточном фронте и пошли на отдельные переговоры с Советами. Брестский мир с Германией, Австро-Венгрией, Турцией и Болгарией от 3 марта 1918 г. обозначил провал попыток навязать другим странам новую систему межгосударственных отношений. Советская Россия принуждена была действовать как государство классического типа и вернуться к традиционным международным отношениям. Декларация прав народов России, воспринятая ими как окончательное право выбирать свою судьбу, привела к стремительному появлению независимых государств, национальных государственных и региональных квазигосударственных образований. Советская власть, лишившись контроля над обширными территориями, приобретенными Российской монархией за 300 лет, вскоре вернулась к политике унитарного государства [6, с. 209—211, 226—227].

Альтернативой большевистскому Декрету о мире стали Четырнадцать пунктов — проект мирного договора по итогам Первой мировой войны, представленный 8 января 1918 г. в ежегодном послании Конгрессу президента США Вудро Вильсона. Документ трактовал общие условия будущего мироустройства, определял способы решения территориальных конфликтов (п. IX